

Нелегкая судьба «великого самоеда»

О Тыко Вылке написано и сказано много: о художнике и исследователе арктических островов с уважительным восторгом писали Владимир Русанов и Александр Борисов, Степан Писахов и Юрий Казаков. Есть много официальных документов, характеризующих Тыко Вылку как серьезного, требовательного и внимательного руководителя островного Совета, не случайно же в советских хрониках за ним прочно утвердилось почетное звание Президента Новой Земли. Но до нас дошло очень немного рассказов и воспоминаний, характеризующих его не как «великого самоеда», а как просто человека с архипелага «НЗ», с его слабостями и сомнениями, ненца, чья судьба оказалась ему неподвластна, чьим уделом в старости стало одиночество и беспредельная тоска по потерянной навсегда родине.

27 февраля Илье Константиновичу Вылке исполнилось бы сто двадцать лет. Странно отмечать юбилей человека, которого нет рядом с нами почти полвека. Нет в живых ни самого «великого самоеда», ни усыновленных им детей брата, ни его собственных детей, рожденных на Новой Земле, остались лишь немногочисленные осколки большого некогда рода, раскиданные на просторах Колгуева, Вайгача, Омы и Нарьян-Мара. Но о своем, не таком уж далеком предке, они знают в основном по книгам, музейным экспозициям, картинам и редким фотографиям. Общаться непосредственно с Тыко Вылкой никому из них так и не посчастливилось.

1960 год – берег Северной Двины. У самой кромки воды сидит старый ненец и с тоской смотрит в сторону севера, туда, где за сотнями километров находится его родина – Едэй Я, земля его предков, и навсегда остались покинутыми могилы его дедов, родителей, братьев и даже детей. В памяти Тыко Вылки всплывает поразившая некогда его воображение картина художника Борисова – «Страна смерти». На ней живописец изобразил мрачные берега Новой Земли: вечный лед и серый камень, никаких иных ассоциаций у русского художника скалистый берег Едэй Я не смог вызвать. Тыко тогда понял, что все это происходит потому, что Александр – человек чужой для «НЗ», он не видел его прекрасную родину в ином свете. Только влюбленный в эту землю человек способен увидеть истинную красоту холодной полярной ночи, разглядев в северном сиянии, которое легкими мазками наносит на черную палитру неба Великий Нум, божественный знак вселенской любви, а не предвестие будущей смерти. Тыко тяжело вздыхал, глядя на черную воду Северной Двины, и Новая Земля, израненная ядерными взрывами, представляла перед его глазами «Страной смерти». Как быстро все изменилось, как быстро прошла жизнь, как трудно узнать в нем, сгорбленном и печальном старике, веселого, жизнерадостного юношу, которого за озорной нрав и любознательность родители называли ТЫКО, то есть – Олешек.

1900 год.

Тыко Вылке недавно исполнилось 15 лет. Он жизнерадостен и полон надежд. Его любят родители, он гордится своим отцом – известным на острове охотником на морского зверя – Ханецем Вылкой. Даже имя отца переводится как «хороший охотник», так что людям и рассказывать не приходится, из какого рода-племени они со старшим братом происходят.

Уже в детстве отец научил сыновей ходить в море, он прекрасно ориентировался и в море, и на суше, иначе ведь не выживешь на студенном острове. Тыко прекрасно стрелял, умел различать следы тундровых зверей. По словам его приемной дочери Ольги Андреевны Ледковой, отец с ранних лет умудрялся по следу определять даже вес и размер пушного зверя, и этот навык передал ему отец – Ханец Вылка.

От отца сыновьям передалась и природная тяга ко всему новому, непознанному. Именно их родитель – «нися», как называют своих отцов ненцы, считался одним из самых грамотных самоедов Новой Земли. Он учился у самого отца Ионы, которого нежно величал «батюско», письму и чтению. В архивах Архангельской епархии сохранилось несколько писем Ханеца Вылки, адресованных отцу Ионе:

«Каково зывес отецъ Иона, каково зывес Платонъ Иосифовичъ. Егор ты каково сывесь у нас народ сдоров, живемъ горосо. Батюско посылаю поклон вам. Посылаем один рубль деньги отецъ Иона Вамъ потарка»

Писано Константином Вылкой и сыном Андреем.

От автора:

Константин – русское имя Ханеца, Андрей – старший брат Тыко Вылки (отец Ольги Андреевны Ледковой).

Тыко гордился отцом и втайне завидовал ему. Очень хотелось, чтобы и им так же восхищались близкие. Он еще не знал, что ему нравится больше в этой жизни. Он уже был неплохим рыбаком и охотником, прекрасным следопытом, исходившим Новую Землю вдоль и поперек, стал и хорошим шкипером, способным вывести рыболовецкую шхуну из штормовой зоны. Это было частью жизни каждого новоземельца. Одни это делали лучше, другие хуже, но без этих навыков на Едэй Я никто бы не выжил. Это уж точно!

Но Тыко Вылку все больше тянуло к неизвестным далям. Большие морские корабли в начале века были нередкими гостями на арктических островах Ледовитого океана. Морские державы: Англия, Норвегия, Швеция и Россия, соперничая друг с другом в «выносливости и морозостойкости» – поочередно забрасывали сюда свои экспедиции, дабы доказать миру, что только они способны называться первооткрывателями.

Вылка понимал, что где-то там есть другая жизнь, другие люди, и ему очень хотелось увидеть «невиданное», узнать «непознанное».

1901 год.

В становище Ханеца Вылки появляется новый человек – художник Александр Борисов. Он уже побывал на Вайгаче, сделал множество зарисовок. Но Ледовитый океан не торопился отпускать яхту «Мечта», на которой он путешествовал. Яхта была затерта во льдах, и если бы не смелые ненецкие охотники, Борисов и команда «мечтателей» утонули бы во время осеннего ледового дрейфа. Неприветливая и опасная Новая Земля показалась известному русскому художнику просто страшной, потому-то и возникли у него ассоциации со «Страной смерти», потому-то и выглядят такими мрачными живописные полотна Борисова, рассказывающие об архипелаге.

В свое путешествие по Новой Земле Борисов взял с собой молодого Вылку. Почти четыреста километров прошли и проехали они на собаках, останавливаясь в самых загадочных и прекрасных местах острова. Художник делал свои зарисовки, Тыко Вылка наблюдал и учился. У него не было кистей и карандашей, он рисовал палочкой на песке или угольком на камне. Изображал те же пейзажи, что и Борисов, только видел он их иначе. Не было в его схематических рисунках тяжеловесной обреченности. Там, где столичный художник восклицал: «Какой ужас!», Тыко только спокойно улыбался, уверенный, что все самое непонятное и «ужасное» находится как раз не здесь, на его родине, а там, в далеких каменных городах, откуда и прибыл Александр Борисов. Но говорить ему об этом Тыко не стал, он с детства был тактичен. Его родители, воспитывая мальчика в ненецких традициях, с детства внушали ему, что нельзя перечить старшим. Если взрослый не прав, он сам поймет это, на то он и взрослый.

Вскоре Борисов заметил странные рисунки молодого ненца, восхитился изяществом и четкостью изображений. Его поразила документальность картин Тыко, до мельчайших подробностей выписывающего детали: если снег, то каждое углубление на нем, если камень, то каждая трещина, если человек, то каждая пуговица и узор на рубашке.

И Александр Борисов решил обучать Тыко Вылку живописи. Учеба длилась всю зиму и весну. В начале лета со своими новоземельскими эскизами и набросками художник покинул остров, уверенный, что в больших городах он обязательно расскажет о талантливом самоедском юноше со странным именем Тыко.

1903 год.

На Новую Землю приезжает Степан Писахов. Писатель, автор известных былей и сказок, человек очень разносторонний и самобытный, знаменитый в столичных кругах еще и как талантливый художник, он был сослан на Новую Землю за «неуважительное отношение к власти».

Писахов был первым, кто подарил Тыко Вылке краски и карандаши – поистине «царский подарок». Он произвел на молодого человека такой же эффект, как некогда подаренный отцом Ионой кусок душистого мыла и полтора метра цветного сатина. Ими не пользовались, а берегли, выставляя на показ в знак глубокого уважения лишь тогда, когда сам отец Иона заглядывал в гости к Ханецу Вылке. Тыко твердо решил, что красками он будет рисовать лишь тогда, когда станет «ученым художником».

Писахов же в своих дневниковых записях отметил: «Работы Вылки поразили меня своей «неровностью», в них удивительно сочетается детская неумелость и сила, полноразвучие и утонченность европейских мастеров. Откуда у него это!»

Писахов пытается отговорить Тыко Вылку ехать в большие города учиться живописи и пишет в дневнике: «Он слишком самобытен, своим природным чутьем Тыко сам найдет свою дорогу. Он сможет показать Новую Землю такой, какой мы, приезжие, ее никогда не увидим...»

Он объясняет молодому человеку, что его картины – это то, чем можно жить, на что можно выменивать или покупать вещи и еду. Для Тыко Вылки это стало еще одним открытием. И когда в 1904 году Писахов покинул свою «странную ссылку», начинающий художник совершил свою первую сделку, выменяв компас и термометр у двух английских путешественников. Его удивлению не было конца, а близкие родственники только посмеялись над «глупостью аглицких гостей», посчитав, что не мужское это дело – картинки рисовать да на вещи их выменивать.

Но благодаря полученному компасу Тыко совершил удивительный поход вокруг Новой Земли, он один самостоятельно прошел более восьмисот километров и нарисовал карту побережья, открыв два новых острова и четыре морских губы.

Самостоятельно наработанные навыки картографа оченьгодились Тыко Вылке в 1909 году.

1909 год.

Молодому человеку только исполнилось 23 года, он полон сил, готов к новым свершениям. **В этом году на Новую Землю приезжает Владимир Русанов.** Человек, о котором Тыко Вылка позднее скажет: «У нас было две головы, но одно сердце». Вместе они обследовали весь архипелаг, изучили все острова северного и южного побережья, сделали точное картографическое описание – **в результате даже сегодня, в XXI веке, карта Новой Земли, составленная Русановым и Вылкой, является наиболее правильной и точной.** Не случайно же за проделанную работу Тыко Вылке была присуждена золотая медаль «За усердие».

В 1910 году Архангельский губернатор Иван Сосновский приобрел у Вылки несколько живописных работ и подарил их императору Николаю Второму (последнему Российскому Императору). Картины очень понравились Государю, и через три месяца он отправил Вылке ответный подарок – пять зарядных винчестеров, тысячу патронов да еще шестьсот рублей в придачу. Ничего подобного семья Вылки не видала никогда.

Куда делось все это богатство, сегодня никто из потомков Вылки сказать не может, после Октябрьской революции «именных винчестеров» никто не видел. А вот царские деньги Тыко Вылка хранил долго, по словам **Ольги Андреевны Ледковой, еще в 1917 – 1920 годах девочки из их семьи играли этими «бесполезными» деньгами с изображением царственных особ.**

В 20-м году мама девятиерых детей семейства Вылки – Парасковья Ивановна сокрушалась, что Тыко Вылка деньги в свое время на еду не потратил и запасов никаких впрок не сделал.

Ведь чем-то, кроме рыбы, нужно было кормить старших: Анну, Александру, Елену, Пелагею, Ирину, Ольгу и младших – Афоню, Ивана и Осипа. Деда Ханеца в то время уже не было в живых, а на плечи совсем еще молодого Тыко Вылки в 1911 году легла забота о старой матери, жене и шести детях погибшего брата Андрея.

Старшей дочери брата Анне в то время было четырнадцать лет, а молодому «отцу» – только двадцать четыре года. После гибели Андрея по ненецким законам младший брат должен был взвалить на свои плечи заботу о его семье. Тыко так и сделал. Позднее он писал в Москву своему другу Василию Переплетчикову: **«Василий Васильевич! Дорогой мой приятель. Жили мы с тобой дружно, все время вспоминаю Москву. Может, когда и приеду. Теперь не могу, брат у меня патроном застрелился. Остались жена, дети – одни девушки и мать старая».**

По словам Ольги Андреевны Ледковой, она всегда считала Тыко Вылку своим отцом, может, потому, что своего родного отца – Андрея Константиновича – она не знала. Когда он погиб, мать Ольги, Парасковья Ивановна, была на шестом месяце беременности. О том, что Тыко Вылка не совсем ей родной, она узнала в семилетнем возрасте. Говорит, поссорилась со старшими детьми и пригрозила пожаловаться отцу. А сест-ра Ирина, которой было тогда тринадцать лет, сказала, что жаловаться некому, отец уже семь лет как на дальнем кладбище лежит, а этот им не родной. **«Как я тогда заплакала, – рассказывала мне Ольга Андреевна, – а отец (Тыко Вылка) вышел из чума и пожалел меня, по голове погладил, и я успокоилась. Он мне всегда таким высоким и красивым казался, особенно, когда по праздникам надевал свою «московскую одежду»: пальто с блестящими пряжками и смешную шляпу. Мы такие только на русских видели, когда они сюда приезжали на пароходе «Император».**

1960 год, берег Северной Двины. Последний год жизни Тыко Вылки.

Тыко сидит очень близко к воде, чтобы видеть только воду и не видеть берег, так легче представить себе родину, забыть о городе, который он не сумел полюбить. Он прожил здесь, в Архангельске, почти 10 лет, но так к нему и не привык. Его постоянно тянет домой. Правда, где теперь этот дом?

Нет родного становища, для него нет и никогда уже не будет пестрых птичьих базаров, следов дикого зверя на заснеженных просторах новоземельской тундры... У него не осталось родины, Новая Земля потеряна для него и его близких навсегда.

Он снова вспоминает себя молодым и, как ему кажется, глупым. Почему тогда, в двадцать лет, его так манили большие города, с их шумными улицами и нарядными людьми? Вспомнилось, как вместе с другом Русановым они катались на трамвае по Москве. Тыко никак не мог накататься и понять, как может эта махина ездить сама по себе на электричестве. Владимир объяснял ему, он вообще был терпеливым человеком, а Тыко не верил. Точно так же потом и самому Вылке не верили на острове, когда он про эти трамваи рассказывал. Как смеялись ненцы, когда он пытался им объяснить силу электричества, потому что для них «огонь и свет» существовали лишь в одном варианте – света солнца и огня лучины, а от них, как известно, трамвай по железным рельсам не поедет. С восторгом и любопытством слушали только дети, видимо, его рассказы «о большом каменном городе» напоминали им сказку.

Это потом, в 30-е годы, Тыко Вылка научится и моторы чинить, и электродвижки запускать, и первую электрическую лампочку в новом поселке на Новой Земле тоже он включит. Факторию назовет именем своего лучшего друга Владимира Русанова, потому что так и не смирится с его потерей.

В 1912 году, когда они виделись с ним в последний раз, у Тыко защемило сердце, он крепко сжал руки друга. Русанов постарался его успокоить и даже оставил ему свои вещи в знак того, что скоро сам за ними вернется. Топорик, компас и книги Вылка бережно хранил у себя в сундуке все эти годы, но Владимир за ними так и не приехал. Это было последнее путешествие знаменитого исследователя и

ученого: только в 1934 году в районе западного побережья полуострова Таймыр нашли останки его шхуны «Геркулес», вместе с Владимиром Русановым погибла его жена – Жульетта Жак, и восемь членов экипажа, случилось это осенью 1913 года.

Тыко Вылка посвятил несколько песен памяти своего друга Русанова, они долгие годы бережно хранились в фондах окружного радио, но, увы, уцелели лишь очень немногие записи голоса «великого самоеда». Так что весь цикл печальных песен о Владимире Русанове мы уже, к сожалению, никогда не услышим.

После выхода на пенсию Тыко Вылка с новой женой и ее дочерью переехал жить в Архангельск. Сам бы он вообще никуда не уезжал из родных мест, но в начале 50-х жителей Новой Земли готовили к насильственному переселению: военные начинали приспособлять архипелаг под ядерный полигон. Тыко вызывали в центр и объясняли, что это необходимо в целях государственной безопасности, а он, как человек уважаемый, должен объяснить «несознательным элементам», что сопротивление бесполезно. Сам же Президент Новой Земли обязан быть примером для ненцев и первым покинуть остров.

Партия и армия настаивали, и Илья Константинович вынужден был согласиться. Позднее он писал своей приемной дочери Ольге Андреевне Ледковой, что больше всего на свете хочет снова увидеть родину, мечтает побродить по морскому берегу, услышать многоголосье птичьих базаров...

Но этой скромной стариковской мечте так и не суждено было осуществиться: ни он, ни его дети больше никогда не увидели прекрасный и загадочный остров Едэй Я (остров спасения, как называли его древние мореходы), ставший по странному предвидению художника Александра Борисова «Страной смерти» и печали.

Тыко Вылка умер в Архангельске в 1960 году в возрасте семидесяти четырех лет.

Первый раз я была на Вологодском кладбище, где похоронен «великий самоед», в 1986 году. Меня поразила заброшенность его последнего пристанища. Казалось, сюда очень давно никто не приходил. Тыко Вылка и известная печорская сказительница Маремьяна Голубкова похоронены в одной оградке, потому что, как мне объяснили, денег на две отдельные до сих пор не нашлось.

Во второй раз мы были на этой могиле вместе с Ольгой Андреевной Ледковой в 1996 году, она вспомнила слова отца о том, что больше всего на свете он боялся умереть «на чужбине», не услышав перед смертью родной ненецкой речи. Но, увы, как раз так и случилось.

Самой Ольги Андреевны Ледковой не стало в 2000 году. Ей тогда было восемьдесят девять лет. За несколько недель до смерти я разговаривала с ней, и она очень сокрушалась, что из дома исчез маленький топорик, принадлежавший Тыко Вылке и доставшийся ему в наследство от отца – Ханеца. До сих пор не известно, кому понадобился этот старый топорик – последняя бесценная реликвия.

Тыко Вылка вошел в историю нашего округа как «неповторимый художник, смелый исследователь Севера, отважный моряк, сказитель и писатель, политический и общественный деятель», но, по сути своей, для всех, кто его знал ближе, оставался просто «сава, нянэй хибяри» – искренним, хорошим, внимательным, бесконечно доверчивым и... очень печальным человеком.

Ирина ХАНЗЕРОВА